

ИСТОРИЯ И СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ УЗБЕКИСТАНА

В. А. ГЕРМАНОВ

**ИСТОРИКИ
ТУРКЕСТАНА
В УСЛОВИЯХ
ПОЛИТИЧЕСКОГО
ТЕРРОРА
20—30-х ГОДОВ**

“ЎЗБЕКИСТОН”

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

В. А. ГЕРМАНОВ

**Историки Туркестана
в условиях политического
террора 20—30-х годов**

ТАШКЕНТ—"ЎЗБЕКИСТОН"—2000

Ответственный редактор —
доктор исторических наук *Д. А. Алимова*

Рецензенты — академик Российской академии естественных наук, доктор исторических наук *Б. В. Лунин*, кандидат исторических наук *Л. Г. Левтева*

Г 0503020904 – 34 2000
М 351 (04) 2000

ISBN 5-640-02818-1

© Издательство "ЎЗБЕКИСТОН", 2000.

Российская революция, романтический этап которой завершился октябрьским переворотом 1917 года и установлением диктатуры коммунистической партии, ввергла в стремительный водоворот историографические процессы, кипящие в Средней Азии, и сменила их векторную направленность. В этот водоворот незамедлительно были втянуты и впоследствии погружены в забвение некоторые туркестанские историки-ориенталисты, связанные с Туркестанским кружком любителей археологии (ТКЛА). Одних расстреляли, другие эмигрировали, были изгнаны, третьих ждали ссылка или заключение, четвертые предпочли самоубийство. Остальные сумели, в разной степени, адаптироваться в новых исторических реалиях, но и их большая часть также подверглась в дальнейшем гонениям. Однако они успели сказать свое слово в среднеазиатской историографии. О них самих многое предстоит сказать после долгих лет забвения. Сейчас же попытаюсь дать, может быть, еще далекую от совершенства реконструкцию о первых погибших, о первых подвергшихся гонениям историках-ориенталистах. Поскольку силуэты этих историков не в одинаковой мере выступают из мрака частичного или полного забвения, позволю себе, исходя из ограниченного физического объема настоящей статьи, уделить каждому из них внимание, пропорциональное тому месту, которое он занимает в мире ориенталистики.

* * *

Итак, одной из первых жертв стал "едва ли не лучший знаток языка и быта узбеков", по словам В. В. Бартольда, бывший депутат II Государственной Думы Владимир

Петрович Наливкин. "Прогрессивность его убеждений до 1917 года стоит, — писал Б. В. Лунин, — вне сомнения"¹. Но "враги революции использовали широкую популярность Наливкина в своих интересах. Наливкин был назначен председателем коалиционного комитета Временного правительства и на этом посту своей вредной соглашательской деятельностью заслуженно оставил о себе самую недобрую память человека, пытавшегося на склоне своих лет стоять на пути рабочего класса и трудящихся Туркестана в их борьбе за победу социалистической революции"². Снискавший в свое время поистине всероссийскую популярность, — о нем восторженно писал М. Горький, — Владимир Петрович Наливкин принял Февраль, но не принял Октябрь 1917 года. Отсюда пошли и сомнения, утвердившиеся в советской историографии, в "прогрессивности взглядов" Наливкина в последний год его жизни. Словом, "найти в себе силы, чтобы выбраться из засосавшего его болота меньшевизма, он не сумел"³. 20 января 1918 года, вскоре после смерти жены, внутренне опустошенный, с рухнувшими политическими идеалами, разуверившийся во всем, даже в Боге, Наливкин покончил с собой на ее могиле, оставив записку с просьбой никого не винить в его смерти.

Не принял октябрьский переворот 1917 года и вице-председатель Туркестанского кружка любителей археологии, его фактический глава, "патриарх туркестановедения", по словам того же В. В. Бартольда, — Николай Петрович Остроумов⁴. Никогда не скрывавший своих монархических убеждений, человек глубоко религиозный, Н. П. Остроумов окончил в свое время Казанскую духовную академию, совершенно не воспринял насильственную ломку общественно-политических, социально-экономических и культурных устоев народов Средней Азии и осуществление социалистических преобразований, видел их "сквозь призму раздраженного и растерянного обывателя, политически близорукое человека, оказавшегося не в состоянии, да и не желавшего распознавать действительную сущность и роль этих исторических событий"⁵. Оказавшись в фокусе политического внимания правительства Туркестанской республики как лицо неблагонадежное, игравшее заметную роль в колониальном управлении краем, Н. П. Остроумов предпочел добровольно покинуть в 1917 году Среднюю Азию и

поселился у себя на родине, в Тамбовской губернии. Вернувшись в 1921 году в Туркестан, без которого уже себя не мыслил, он продолжил научные занятия, все больше и больше погружаясь в религию и мистицизм. Власти, осведомленные о его большом знании Средней Азии, хотя и прибегали к его консультациям, но к преподаванию в учебных заведениях не допускали.

Был выслан из Туркестана в Самару бывший военный губернатор Самаркандской области, член ТКЛА Нил Сергеевич Лыкошин, встретивший октябрьский переворот в отставке из-за конфликта с Туркестанским генерал-губернатором А. Н. Куропаткиным и в целом лояльно сотрудничавший с новой властью. Но это не помогло: "столь одиозную фигуру" чекисты предпочли выдворить из Туркестана. Странными сегодня выглядят объяснения высылки Лыкошина, которые вынуждены были давать историки сравнительно недавно. Вот как трактовались его арест и изгнание: "...в условиях обострения классовой борьбы в Туркестане, потребовавших в интересах социалистической революции удалить из пределов края представителей вчерашней колониальной администрации, среди которых было немало антисоветских элементов, такая видная фигура, как Лыкошин, не мог, понятно (?), составить исключения и был выселен за пределы края. Поселившись в Самаре, он до самой смерти продолжал работать в советских учреждениях, служил заведующим хозяйством городского музея"⁶. Кому-то же такой ход вещей с самого начала был непонятен. Так, Г. А. Барковский в письме В. В. Бартольду от 27 декабря 1920 года с очевидной печалью писал: "Нил Сергеевич (Лыкошин) в настоящее время освобожден, находится в Самаре и служит в осветительном отделе коммунальных предприятий, где пишут требовательные ведомости. Странная карьера, не правда ли?"⁷

Благодаря вмешательству В. В. Бартольда, В. Н. Перетца и других, Лыкошин был привлечен к преподаванию туркестановедения, курс которого читал в Самарском государственном университете. Сотрудничал он и с ташкентскими изданиями⁸.

Скончался Н. С. Лыкошин в 1922 году в Самаре. В одну из последних ночей, прикованный к постели неизлечимым недугом, он произнес: "Как жалко, что больше я никогда не увижу восхода солнца в Азии", — и завещал

переслать после смерти единственное свое богатство — искусственные тома из книг, брошюр, оттисков и вырезов своих работ и статей вместе с рукописным указателем в Ташкент, где они могут быть полезнее всего”⁹.

* * *

К числу наиболее трагичных, оболганных и, по этой причине, полузабытых фигур среднеазиатской историографии принадлежит ориенталист Павел Павлович Цветков. Весьма скудные, неполные, искаженные сведения о нем я обнаружил только в Библиографическом словаре отечественных тюркологов, подготовленном академиком А. Н. Кононовым¹⁰. Поскольку справка чрезвычайно скупа, есть смысл привести ее полностью и прокомментировать:

“Цветков, Петр П. (? — между 1915—1920 гг.).

Военный, по долгу службы много лет жил в странах Бл. Востока, в т. ч. в Турции. Слушатель курсов вост. яз. при Уч. отд. вост. яз. Азиат. деп. МИД. В 1902 литогр. способом издал 2 словаря — тур.-рус. и рус.-тур. Много труда посвятил изучению истории ислама, напечатал по этой теме несколько книг. Наиболее известно четырехтомное соч. “Исламизм” (Асхабад, 1912—1913), адресованное широкой публике и содержащее подробное изложение теорий мусульм. богословия. обстоятельную рецензию на эту книгу написал В. В. Бартольд (См.: Соч. Т. 6. С. 405—412).

I. Русско-турецкий словарь. Составил слушатель курсов восточных языков Цветков. СПб., 1902, 6, 1947 с. Турецко-русский словарь. Составил П. Цветков, СПб., 1902, 983 с.; Турция и ислам при Абдул-Гамиде // Ср.Азия. 1910, кн. 3, с. 1—37; кн. 4, с. 5—33; кн. 5, с. 5—38; кн. 6, с. 5—32; кн. 7, с. 5—34; кн. 8, с. 5—29. II. Крачковский И. Ю. Очерки. С. 132—133”¹¹.

Вот и все, что было известно о П. П. Цветкове одному из авторитетнейших тюркологов и знатоков востоковедения академику А. Н. Кононову. Между тем полковник Павел (отнюдь не Петр) Цветков был расстрелян после приговора, вынесенного Верховным революционным трибуналом Туркестанской республики в 1919 году¹². Расстрелян, хотя о его помиловании ходатайствовали рабочие Ташкента и даже, до утверждения приговора, сам Верховный революционный трибунал. Вначале на заседании

ТуркЦИК и Временного Военно-революционного совета 1 марта 1919 года (несмотря на требования части участников заседания, и особенно председателя ТуркЦИКа Аристарха Казакова, утвердить высшую меру наказания) было все же решено: "Ходатайство Верховного революционного трибунала о смягчении приговора над П. Цветковым, приговоренного к смертной казни, передать на разрешение VII Чрезвычайному съезду Советов Туркестанской республики"¹³. Тем не менее, кто-то весьма влиятельный, заинтересованный в быстром окончании дела, видимо, подтолкнул исполнителей, и 29 мая 1919 года заседание ТуркЦИКа постановило приговор привести в исполнение¹⁴.

Расстрелян П. П. Цветков был как участник январского 1919 года восстания в городе Ташкенте, так называемого "осиповского мятежа", как человек, причастный к гибели 14 туркестанских комиссаров. Густой покров тайны, сотканный из недомолвок, противоречий, наполняющих множество книг и статей, трактующих официальную версию этого события, но, в общем-то, уводящих от истинного хода вещей, лишь недавно был приоткрыт историком М. К. Хасановым¹⁵.

Павел Павлович Цветков, ставший после февраля 1917 года управляющим канцелярией Туркестанского генерал-губернаторства, был выдвинут на этот пост как тончайший знаток быта коренного населения края. После прочтения письма генерала В. Шостака, непосредственного начальника П. Цветкова, написавшего по поручению Военного министра России 18 апреля 1909 года Туркестанскому генерал-губернатору А. В. Самсонову и характеризовавшего своего подчиненного в бытность того военным советником в Турции, становятся ясными основания, по которым молодой штабс-капитан П. Цветков занял один из ключевых постов в управлении краем. Генерал В. Шостак, в частности, сообщает: "Так как, кроме того, министр сам хотел поговорить о нем с Вами в Ваш следующий приезд в г. С.-Петербург, то я ограничусь лишь приведением подлинных слов министра в ответ на мой доклад, что штабс-капитан Цветков, помимо основательного знания языков: французского, немецкого, английского, итальянского, турецкого и персидского, владеет также разговорным языком Туркестана, где служил 2 года по военно-административному отделу (управлению):

"Напишите генерал-лейтенанту Самсонову от моего имени, что я прошу его хорошо устроить штабс-капитана Цветкова, я же, со своей стороны, попрошу генерала о том же при личном с ним свидании".

Со своей стороны считаю долгом доложить, что в штабс-капитане Цветкове я за все время его пребывания в Македонии замечал редкую энергию в работе, быстроту выполнения самых сложных поручений, большой такт и умение, благодаря чему он всегда пользовался моим полным доверием и всегда его оправдывал..."¹⁶

Вскоре после возвращения из Турции в Ташкент кавалер турецкого Ордена Меджидие П. П. Цветков был вызван в Санкт-Петербург в числе офицеров, бывших в Македонии по делам реорганизации жандармерии "представиться Его Императорскому Великолею Николаю II. Офицеры преподнесли императору альбом с фотографическими снимками быта жандармерии и видов местности, где проработали в течение 5 лет"¹⁷.

Знания и опыт Павла Цветкова по управлению Туркестанским краем понадобились и большевикам. Член Совета народных комиссаров Туркестанской республики, комиссар по административной и гражданской части Василий Агапов, доверяя Павлу Цветкову, попросил того не оставлять должности заведующего канцелярией, которая была передана в его комиссариат. Между тем нахлынувшие в Туркестан после октября 1917 года люди, оказавшиеся у власти, раскаляли обстановку как только могли. Василий Агапов, принявший на себя, в связи с отъездом почти всех комиссаров на фронт, тяжесть управления Туркестанской республикой, считал, что следует оставаться на своих местах, пока можно принести хоть какую-то пользу и что-то исправить. Но вскоре оба, большевик В. Агапов и беспартийный патриот полковник П. Цветков, поняли, что оставаться у власти — значит брать на себя ответственность за весь произвол, творимый другими.

В. Агапов уходит в железнодорожные мастерские, но рабочие избирают его своим председателем. А П. Цветков получает приглашение читать лекции о мусульманском праве в Туркестанском университете, включается в инициативную группу по организации Восточного института, причем на первом же заседании избирается председателем Совета инициативной группы¹⁸. Понимая, однако, что по

ТуркЦИК и Временного Военно-революционного совета 1 марта 1919 года (несмотря на требования части участников заседания, и особенно председателя ТуркЦИКа Аристарха Казакова, утвердить высшую меру наказания) было все же решено: "Ходатайство Верховного революционного трибунала о смягчении приговора над П. Цветковым, приговоренного к смертной казни, передать на разрешение VII Чрезвычайному съезду Советов Туркестанской республики"¹³. Тем не менее, кто-то весьма влиятельный, заинтересованный в быстром окончании дела, видимо, подтолкнул исполнителей, и 29 мая 1919 года заседание ТуркЦИКа постановило приговор привести в исполнение¹⁴.

Расстрелян П. П. Цветков был как участник январского 1919 года восстания в городе Ташкенте, так называемого "осиповского мятежа", как человек, причастный к гибели 14 туркестанских комиссаров. Густой покров тайны, сотканный из недомолвок, противоречий, наполняющих множество книг и статей, трактующих официальную версию этого события, но, в общем-то, уводящих от истинного хода вещей, лишь недавно был приоткрыт историком М. К. Хасановым¹⁵.

Павел Павлович Цветков, ставший после февраля 1917 года управляющим канцелярией Туркестанского генерал-губернаторства, был выдвинут на этот пост как тончайший знаток быта коренного населения края. После прочтения письма генерала В. Шостака, непосредственного начальника П. Цветкова, написавшего по поручению Военного министра России 18 апреля 1909 года Туркестанскому генерал-губернатору А. В. Самсонову и характеризовавшего своего подчиненного в бытность того военным советником в Турции, становятся ясными основания, по которым молодой штабс-капитан П. Цветков занял один из ключевых постов в управлении краем. Генерал В. Шостак, в частности, сообщает: "Так как, кроме того, министр сам хотел поговорить о нем с Вами в Ваш следующий приезд в г. С.-Петербург, то я ограничусь лишь приведением подлинных слов министра в ответ на мой доклад, что штабс-капитан Цветков, помимо основательного знания языков: французского, немецкого, английского, итальянского, турецкого и персидского, владеет также разговорным языком Туркестана, где служил 2 года по военно-административному отделу (управлению):

"Напишите генерал-лейтенанту Самсонову от моего имени, что я прошу его хорошо устроить штабс-капитана Цветкова, я же, со своей стороны, попрошу генерала о том же при личном с ним свидании".

Со своей стороны считаю долгом доложить, что в штабс-капитане Цветкове я за все время его пребывания в Македонии замечал редкую энергию в работе, быстроту выполнения самых сложных поручений, большой такт и умение, благодаря чему он всегда пользовался моим полным доверием и всегда его оправдывал..."¹⁶

Вскоре после возвращения из Турции в Ташкент кавалер турецкого Ордена Меджидие П. П. Цветков был вызван в Санкт-Петербург в числе офицеров, бывших в Македонии по делам реорганизации жандармерии "представиться Его Императорскому Величеству Николаю II. Офицеры преподнесли императору альбом с фотографическими снимками быта жандармерии и видов местностей, где проработали в течение 5 лет"¹⁷.

Знания и опыт Павла Цветкова по управлению Туркестанским краем понадобились и большевикам. Член Совета народных комиссаров Туркестанской республики, комиссар по административной и гражданской части Василий Агапов, доверяя Павлу Цветкову, попросил того не оставлять должности заведующего канцелярией, которая была передана в его комиссариат. Между тем нахлынувшие в Туркестан после октября 1917 года люди, оказавшиеся у власти, раскалили обстановку как только могли. Василий Агапов, принявший на себя, в связи с отъездом почти всех комиссаров на фронт, тяжесть управления Туркестанской республикой, считал, что следует оставаться на своих местах, пока можно принести хоть какую-то пользу и что-то исправить. Но вскоре оба, большевик В. Агапов и беспартийный патриот полковник П. Цветков, поняли, что оставаться у власти — значит брать на себя ответственность за весь произвол, творимый другими.

В. Агапов уходит в железнодорожные мастерские, но рабочие избирают его своим председателем. А П. Цветков получает приглашение читать лекции о мусульманском праве в Туркестанском университете, включается в инициативную группу по организации Восточного института, причем на первом же заседании избирается председателем Совета инициативной группы¹⁸. Понимая, однако, что по

политическим причинам это станет тормозить организацию Восточного института, П. Цветков просит бывшего ректора Ташкентского народного университета А. В. Попова взять на себя обязанности председателя. После некоторых колебаний, последний соглашается с этим при условии, что Павел Павлович останется его помощником...

В официально назначенную инициативную группу под руководством коренного представителя Туркестана В. Н. Кучербаева вошли М. С. Андреев, А. А. Гаррицкий и П. П. Цветков. Они и выработали положение о Туркестанском Восточном институте. Несмотря на то что П. П. Цветкова руководство Туркестанской республики буквально через несколько дней все-таки вообще отстранило от работы, его неофициальное участие в важном деле продолжалось, его знания и советы использовались учредителями. 8 ноября 1918 года положение о Туркестанском Восточном институте было утверждено коллегией наркомпроса Туркеспублики, а 26 декабря того же года в национализированном доме известного ташкентского купца Арифходжи Азизходжинова начались первые лекции¹⁹.

Недовольство всех слоев населения Туркестанской республики новой властью в конце 1918 года заметно возросло. Возникла угроза восстания, подготовкой к которому искусно дирижировали какие-то заинтересованные лица, остававшиеся при этом в тени. Кому-то, кто неудержимо шел к власти, необходимо было осуществить сложную комбинацию: открыть клапан, дабы выпустить пар народного недовольства, столкнуть и отстранить от политического руководства людей, принадлежащих к нескольким, противостоящим друг другу, группировкам, предоставляя им возможность истребить друг друга.

Спровоцировав на преждевременное выступление наиболее радикальных и честолюбивых лидеров готовившего народного восстания и направив его по руслу банального контрреволюционного мятежа, эти же люди сумели убрать руками уголовников, выпущенных под шумок из тюрьмы, туркестанских комиссаров, одновременно подставив под удар тех, кто не имел к акции никакого отношения и выступал именно против террора. Их-то и поспешили потом убрать вместе с прямыми участниками разыгранного мятежа.

Только после январского путча 1919 года вспыхнувший с новой силой красный террор в Туркестане в ответ

на смерть четырнадцати унес в могилу жизни тысяч ни в чем не повинных заложников.

Кто-то, пользуясь фактом восстания, сводил политические счеты, по-своему резонно полагая, что восстание все спишет. "Возьмем отдаленный от центра Туркестан, — писал по горячим следам мятежа историк С. П. Мельгунов, — где в январе произошло восстание русской части населения против деспотического режима, установленного большевиками. Восстание было подавлено. Начались массовые повальные обыски, — рассказывают очевидцы (Воля России. 1921. 7 декабря; Рев. Россия. 1921. № 3). — В ночь с 20 на 21 января были произведены массовые расстрелы. Груды тел были навалены на железнодорожное полотно. В эту страшную ночь было перебито свыше 2500 человек... 23 января был организован военно-полевой суд, в ведение которого было передано дело о январском восстании и который в течение всего 1919 года продолжал арестовывать и расстреливать"²⁰.

Участие П. П. Цветкова в событиях, предшествовавших путчу и во время его, было своеобразным. Накануне готовящегося выступления П. П. Цветков организовал издание бюллетеня "Свободная пресса". Вышло около десяти номеров этого издания, подготовленных и отредактированных им лично. Цветков обращался к рабочим, фронтовикам, солдатам Красной Армии, ко всему населению республики с изложением своей концепции народной власти, отличной от диктатуры пролетариата. Резонно заключая, что в России рабочих всего четыре процента от всего населения, он требовал пропорционального представительства в правительстве Туркестанской республики и для остальных девяноста шести процентов. Выступая против террора вообще, Павел Павлович Цветков расстрел 14 туркестанских комиссаров квалифицировал как просто убийство, совершенное толпой, в свою очередь спровоцированной некими заинтересованными лицами.

Благородство поведения П. П. Цветкова на суде было засвидетельствовано его противниками. В своем последнем слове он, в частности, сказал: "...здесь в наличности преступление за идею. Апеллировать можно только к этой идее. К ней же самой. Но это значит продолжать пре-

ступление, будучи на суде. Но как можно доказать правильность идеи, тем более неосуществленной?

Возьмите пример Христа, которого распяли"²¹.

Оставшееся после расстрела Павла Павловича Цветкова крупнейшее собрание восточных рукописей и книг, всего около 700 томов, преимущественно книги по исламу и истории ислама, его жена Елизавета Михайловна, урожденная фон Зигель, оказавшаяся с сыном 17 лет без средств к существованию, передала в Туркестанскую публичную библиотеку, где оно и растворилось в общей массе"²².

Оценивая работу П. П. Цветкова "Исламизм" (тт. I—IV), академик В. В. Бартольд указывает, что она носит компилятивный характер и к тому же не соответствует новейшим научным данным. "Обширный труд г-на Цветкова, — пишет В. В. Бартольд, — по словам самого автора, не представляет "ничего нового для специалиста", но предназначается "для широкой публики и для лиц, вынужденных по роду своей деятельности или службы находиться в тех или иных сложных сношениях с мусульманами". Кроме эпиграфов к отдельным томам, во главе всего труда поставлен эпиграф из Цицерона: "Sua cuique religio est nostra nobis". Этот эпиграф должен показать, что автор "чужд тенденциозного направления" и не желает "выступать ни апологетом христианства, ни исламизма"²³.

Все замечания В. В. Бартольда, равно как и упреки в некоторых исторических неточностях, несомненны, а многое, еще прежде, оговаривал и сам П. П. Цветков. Со своей стороны, я лишь позволю себе заметить, что, проигрывая в сравнении с аналогичными работами В. В. Бартольда с позиций новейших достижений науки, труд П. П. Цветкова имеет и свои преимущества, о которых стоит, наконец, сказать. Дело в том, что кабинетный затворник — ученый В. В. Бартольд, изучавший Восток преимущественно по письменным источникам, не имел возможностей практика П. П. Цветкова черпать горячий, отнюдь не книжный, исторический материал, что называется, из гущи жизни. В этом смысле, их труды не взаимоисключают, а скорее дополняют друг друга.

Кануло в безвестность неопубликованное рукописное научное наследие П. П. Цветкова. Но скупое сообщение в Комиссию ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана

от уполномоченного Народного комиссариата просвещения Туркестанской республики С. П. Виноградова свидетельствует об оставшемся после расстрела Цветкова и не успевшем увидеть свет продолжении фундаментального четырехтомного труда "Исламизм". Неизданную рукопись объемом в три дополнительных тома, не менее ста печатных листов, без индекса, по предложению Ш. З. Элиавы разыскали и представили в Турккомиссию ВЦИК и СНК РСФСР. А. А. Гаррицкому поручили составить индекс²⁴. Имя же полковника П. П. Цветкова превратилось, по существу, в фигуру умолчания.

* * *

6 февраля 1919 года на заседании педагогического совета Туркестанского Восточного института собравшиеся ориенталисты обсуждали полученное тревожное известие об аресте преподавателя Николая Гурьевича Маллицкого, подозреваемого в причастности к январскому путчу.

Собравшиеся постановили, принимая во внимание выдающиеся научные заслуги Н. Г. Маллицкого и положительную незаменимость его в качестве лектора института по географии и этнографии Туркестана, считая его наиболее выдающимся авторитетом в области географии края, солидное научное и практическое изучение им которого наглядно обнаруживалось в течение длительного времени, когда он продолжал оставаться председателем Туркестанского отдела Русского географического общества, зная либеральный образ мышления Н. Г. Маллицкого, его отвращение к насильственным выступлениям и веря в его непричастность к последнему контрреволюционному выступлению, — ходатайствовать перед Чрезвычайной следственной комиссией об его освобождении под поручительство Совета института впредь до судебного разбора дела, под условие представления его в день указанного суда.

Освобождение Н. Г. Маллицкого, подчеркивалось в постановлении, позволит институту — высшему учебному заведению республики, специально занимающемуся изучением края и подготовкой деятелей для такового, не нарушать правильности своих занятий, что особенно важно в настоящее время при первых шагах молодого еще учреждения по столь существенному для него предмету,

как изучение географии и этнографии края. Данное постановление Совет поручил привести в исполнение своим членам П. Е. Кузнецову и М. С. Андрееву²⁵.

Н. Г. Маллицкого тогда удалось уберечь.

* * *

10 мая 1920 года был преступно расстрелян Лев Александрович Зимин, археолог и историк Средней Азии, член Туркестанского кружка любителей археологии. До настоящего времени не опровергнута версия о том, что в отличие от большинства членов ТКЛА, принявших октябрьский переворот 1917 года (что само по себе, как я убедился по мере изучения проблемы, не соответствует действительности. — В. Г.), Л. А. Зимин боролся против большевиков. Б. В. Лунин, кстати, как никто другой сумевший оценить Л. А. Зимина в качестве талантливейшего исследователя, подававшего большие надежды в ориенталистике, может быть, самого способного в Туркестане ученика В. В. Бартольда, совершенно не был осведомлен об обстоятельствах его смерти. Только этим и можно объяснить позицию Б. В. Лунина, когда в одной из своих книг он пишет: "Были и исключения. В лагерь контрреволюции перешел Зимин, оказавшийся на посту "министра иностранных дел" одного из белогвардейских "правительств"; за активную антисоветскую деятельность Зимина постигла суровая кара трудового народа"²⁶. Про "суровую кару трудового народа" и "активную антисоветскую деятельность Зимина" можно говорить, только совершенно не ведая истинной подоплеки событий.

Впрочем, это немудрено. Замолчать вклад Л. А. Зимина в науку было невозможно, поскольку о нем публично, без страха, спустя несколько лет после гибели ученика, говорил академик В. В. Бартольд, готовились к печати или появлялись его научные публикации; с мыслями, версиями, гипотезами, высказанными Львом Александровичем, соглашались или спорили историки и археологи. Жизнь в науке продолжалась. А вот его политическое убийство трактовалось как справедливое возмездие со стороны "трудового народа". Загадка смерти Л. А. Зимина хранилась в буквальном смысле за семью печатями, а людей, прикоснувшихся к этой тайне, давно не было в

живых. Еще один немаловажный аспект — это дело, когда в него пытались углубиться, вдруг начинало выводить на какую-то личную причастность к нему И. В. Сталина. Среди обвинений, выдвинутых против Зими́на, было и участие в убийстве 26 бакинских комиссаров.

Вот уж поистине ни одна расправа над большевистскими комиссарами, будь то в Ташкенте или в Баку, не могла произойти без участия в ней кого-нибудь из членов ТКЛА. Особенно, если верить итальянской поговорке, что две случайности — это уже закономерность.

Творческая биография Л. А. Зими́на со временем обрастала легендами, вымыслами, искажалась, а то и просто забывалась. Так, в 1990 году Я. В. Васильков, А. М. Гришина, Ф. Ф. Перченко опубликовали в списке востоковедов, подвергшихся репрессиям в 20—50-е годы, сведения о Л. А. Зими́не, которыми они располагали на момент опубликования статьи-мартиролога.

Вот ее полное содержание:

"Зимин Лев Александрович (? — 1920). Археолог и историк Средней Азии, арабист. Преподаватель АзГУ, был министром иностранных дел Азербайджанской республики. Расстрелян"²⁷. И все. Несмотря на то что справка бьет все рекорды лаконичности, в ней серьезная ошибка: Л. А. Зимин действительно являлся министром иностранных дел, но Закаспийского областного правительства, возникшего на западе Туркестана и просуществовавшего со второй половины 1918 до начала 1920 года. Если бы составители мартиролога обратились к Биобиблиографическому словарю отечественных тюркологов, второе издание которого появилось за год до их публикации, они бы получили значительную информацию об основных биографических вехах и публикациях Л. А. Зими́на²⁸.

Разобраться в событиях, произошедших в 1918—1920 годах в Закаспийской области Туркестанской республики²⁹ и втянувших историка Л. А. Зими́на, помимо его воли, под жернова истории, мне представилась возможность после того, как в начале 90-х годов в Центральном государственном архиве Узбекистана были рассекречены материалы личного фонда Д. И. Манжары, возглавлявшего в начале 30-х годов Среднеазиатский научно-исследовательский институт истории революции. Среди прочего интересного материала, например, анализировавшихся

выше показаний П. П. Цветкова Верховному революционному трибуналу, здесь сохранилась рукопись В. А. Чайкина "История русской революции. Вып. 1. Казнь 26 бакинских комиссаров. В 20 главах"³⁰. Накануне этого открытия судьба преподнесла мне еще один подарок: в мои руки попала типографским способом изданная книга Вадима Чайкина³¹, и я стал обладателем, может быть, единственного уцелевшего экземпляра.

О самом Вадиме Афанасьевиче Чайкине узбекские и среднеазиатские историки знали в какой-то степени лишь как о заметном политическом деятеле — члене Центрального комитета партии социалистов-революционеров, члене ВЦИК, туркестанском делегате Всероссийского Учредительного собрания, но никто не знал в качестве коллеги, пытавшемся осуществить один из интереснейших замыслов в среднеазиатской историографии. Замысел этот ему, как видно, целиком материализовать не удалось, в 1933 году он был репрессирован. Ниже мы к этому вернемся. Сейчас же скажем о нем только в связи со свидетельствами о несостоятельности обвинений, по которым Л. А. Зимин был приговорен к смертной казни.

В начале 1919 года два члена Всероссийского Учредительного собрания, один из которых — Вадим Чайкин, а другой — широко известный мусульманскому Востоку по работе в Туркестане и Казахстане Мустафа Чокаев, совершая дипломатическую экспедицию в глубь Туркестана по делам, связанным с созывом Туркестанского Учредительного собрания, прибыли в Закаспий для расследования причин случившейся здесь трагедии — кровавого столкновения местных рабочих-железнодорожников с посланцами правительства Туркестанской республики, прибывшими для ликвидации, главным образом путем кровавого террора, сложившегося здесь многопартийного представительства в советах. После этого столкновения последовало провозглашение суверенного Закаспийского государства, оказавшегося вскоре в зависимости от английского экспедиционного военного командования. Правительство Туркестанской республики незамедлительно начало военные действия против сепаратистов.

Изучая обстоятельства конфликта, В. А. Чайкин, считавший, что необходимо прекратить братоубийственную войну между рабочими, тем более перед угрозой британ-

ской экспансии, провел первое независимое расследование таинственного исчезновения из красноводской тюрьмы за полгода до их приезда в Закаспий 26 пленных бакинских комиссаров, являвшихся, по общему отзыву их друзей и недругов, цветом восточного большевизма, его подлинным идейным и интеллектуальным центром.

При анализе материалов, собранных в Закаспии В. А. Чайкиным, возникает некое интуитивное чувство, что к гибели 26 бакинских комиссаров в какой-то мере причастны сами большевики. В. А. Чайкин, опираясь на помощь Л. А. Зимины, без которого расследование просто бы не состоялось, пришел к заключению, что физическое устранение комиссаров стало возможным в результате причудливого совпадения, переходящего границы здравого смысла, интересов председателя Закаспийского розыскного бюро, делегированного английской миссией в качестве ее представителя в Закаспийскую директорию, Семена Львовича Дружкина, в прошлом присяжного поверенного, и главы миссии Великобритании в Асхабаде капитана Реджинальда Федоровича Тиг-Джонса.

За спиной капитана Р. Ф. Тиг-Джонса маячили фигуры высшего дипломатического и военного представителя Великобритании в Туркестане и Персии генерала Маллесона и представителя командования Великобритании в Закавказье генерала В. М. Томпсона.

Большевик С. Л. Дружкин, преодолевший в августе 1918 года дорогу от Москвы до Асхабада с помощью мандата Пермской губЧК, который он, соблюдая все меры предосторожности, предъявлял при многочисленных путевых проверках, по прибытии в "независимое Закаспийское государство", несомненно, с какой-то конспиративной миссией, назвал себя по партийной принадлежности социалистом-революционером. О большевистском прошлом С. Л. Дружкина в Закаспии никто не подозревал, иначе бы ему не поздоровилось. Все эти факты всплыли впоследствии в результате расследования, проведенного самим Л. А. Зиминым. Они проверены и засвидетельствованы В. А. Чайкиным документально³².

Мустафа Чокаев и Вадим Чайкин во время своего пребывания в Закаспийской области установили, что в начале 1919 года по желанию местного населения членом Закаспийского правительства, помимо его воли, был избран

Л. А. Зимин. "Ввиду значительного влияния, которым пользовался в широких кругах населения и даже среди туркмен Л. А. Зимин, — пишет В. А. Чайкин, — капитан Тиг-Джонс... запросил его, согласится ли он войти после переворота в новое правительство — "директорию". Зимин ответил отказом и пытался принять меры к предотвращению захвата власти англичанами"³³. Тем не менее, он был единогласно избран. Согласившись после долгих колебаний принять пост министра иностранных дел, он смог предотвратить многие случаи кровопролития. Но не смог помешать организации убийства 26 бакинских комиссаров, в планы которого, заранее зная единственную возможную на это реакцию, его просто решено было не посвящать. Еще 22 июля 1918 года, когда на закрытом совещании Временного Исполнительного комитета был вынесен смертный приговор 9 асхабадским комиссарам, Л. А. Зимин (это он говорил мне сам лично, показывая номер, — свидетельствует В. А. Чайкин), напечатал в закаспийской газете, за подписью "старый эс-эр", негодующую статью против этой казни³⁴. Поэтому от него сочли необходимым сохранить втайне предстоящую расправу над 26 комиссарами, о которой он был оповещен постфактум. Л. А. Зимину удалось спасти от расправы жен и детей бакинских комиссаров и помочь собрать В. А. Чайкину документальные свидетельства о времени и месте их гибели и захоронения. Все это дало В. А. Чайкину возможность путем публикации в социалистической прессе своего расследования об убийстве 26 бакинских комиссаров первым внести ясность в самые противоречивые слухи, ходившие об их исчезновении, упорно муссировалась версия о вывозе всех двадцати шести в Индию.

Воспоминания В. А. Чайкина наполнены теплотой и признательностью по отношению к этому незаурядному ученому и человеку, знавшему и любившему страны Среднего Востока. "Л. А. Зимин, — вспоминает В. А. Чайкин, — которого я увидел впервые 23 февраля на его асхабадской квартире и простился навсегда 4 марта (1919 г. — В. Г.), был известен в Туркестане еще до февральской революции как видный ориенталист и радикальный культурник. В Петербурге передавали о нем в высшей степени положительные отзывы известного востоковеда, проф. Бартольда и предсказывали молодому ученому блестящую

будущность... я был представлен ему и его жене Чокаевым, который раньше встречал их в Ташкенте на общественно-просветительской работе... С первого момента и взгляда, по той сияющей радости, с какою приветствовал Зимин наш приезд... я понял, что... могу всецело положиться на его личную честность и искренность... Сама внешность Л. А. Зимины с широкой, окладистой и необыкновенно длинной бородой, несмотря на его сравнительную молодость (36 лет), с открытым лицом и ясными голубыми глазами предрасполагала к такому доверию. Говорил он без малейшей аффектации и, несомненно, с первых слов, все, что знал и думал"³⁵.

В. А. Чайкин впоследствии очень страдал, что не смог предотвратить бессмысленную казнь Л. А. Зимины, о которой узнал слишком поздно. "...Впервые о казни Л. А. Зимины, — вспоминал В. А. Чайкин, — я узнал от бывшего секретаря Бакинской рабочей конфедерации Восканова в начале июня 1920 года. В ответ на мои сомнения в правильности этого сведения Восканов развернул номер бакинского "Коммуниста" от 11 мая, где был приведен официальный список лиц, расстрелянных в Баку после установления там советской власти. Под одиннадцатым номером этого списка действительно значилось — "Зимин Лев Александрович", а в графе "причины казни" — "За участие в убийстве 26-ти комиссаров и сообщение англичанам сведений, облегчающих им борьбу с советской властью". Я был как громом поражен, — продолжает Чайкин, — первой частью этой мотивировки смертного приговора. Считая казнь Л. А. Зимины бессмысленной, никому и ничему не нужной жестокостью, я, однако, способен был, кажется, легче примириться с самим фактом насильственной смерти, чем с такой вопиющей и неоправимой несправедливостью"³⁶.

"7 января 1921 года, — писал В. А. Чайкин, — я виделся в Баку с женой Зимины — М. В. Зиминой. Она рассказала, что ее муж имел возможность уехать из Баку еще при переходе советскими войсками азербайджанской границы у ст. Ялама, но не пожелал этого сделать. "Я не вижу оснований уклоняться от ответственности за свои ошибки", — говорил он даже во время ареста. Последние полгода Зимин был профессором Азербайджанского уни-

верситета, преподавал арабистику и историю Востока, и, по словам жены, конечно, не допускал мысли, что будет обвинен в убийстве комиссаров..."³⁷

Еще в Закаспии Л. А. Зиминым с гневом было отвергнуто предложение британских властей, которым не хотелось оставлять слишком осведомленных свидетелей их присутствия в Туркестане, на почетную эвакуацию его через Персию и Индию в Лондон, при этом, в случае положительного ответа, гарантировалась "за оказание британскому правительству в тяжелый момент услуги... троим (членам дирекции — В. Г.) уплата 5 миллионов рублей золотом"³⁸.

Некоторые сохранившиеся источники проливают дополнительный свет на последние дни жизни Л. А. Зимина, уточняют факты его научной биографии. Согласно этим данным, Зимин занимал должность доцента на кафедре арабского языка восточного факультета Азербайджанского государственного университета³⁹. В Баку в 1920 году увидела свет книга "Краткая хрестоматия и словарь", составленные им. И. Ю. Крачковский по этому поводу писал, что "научные круги Баку стремились удовлетворить потребности своей зарождающейся арабистической школы" хрестоматиями Л. А. Зимина и П. К. Жузе⁴⁰.

В 1918 году в "Известиях Туркестанского отдела Русского географического общества", т. XVI, было начато печатание завершенной большой работы Л. А. Зимина "Материалы к истории Туркестана в XVI веке". По данным А. А. Семенова, всего было отпечатано 196 страниц, причем многое отпечатанное погибло в революционные 1918—1920 годы⁴¹. В письме к В. В. Бартольду от 24 марта 1922 года А. А. Семенов сообщает: "...недавно получил отпечатанные листы (с пропусками) труда покойного Зимина "Материалы к истории Туркестана в XVI веке", просил дать еще для Вас и Академии, иначе все будет уничтожено"⁴².

О неотпечатанном до конца ученом труде Л. А. Зимина, спустя два года после его расстрела, упоминалось в местной печати: "Еще с 1919 года ждут окончания начатые печатанием труды: ... Л. А. Зимин. "Материалы к истории Туркестана в XVI веке". В труде Зимина использованы многие рукописи, часть коих считается утраченной в настоящее время, а часть — уникальные заграничных библиотек"⁴³.

В. В. Бартольду, крайне озабоченному спасением ученого наследия своего ученика, путем переписки с вдо-

вой погибшего — М. В. Зиминой удалось лишь отчасти проследить судьбу его рукописей и библиотеки. Жена археолога свидетельствовала, что накануне своего ареста ее муж предпринял вторую, последнюю, но вновь неудачную попытку издать в Баку вышеупомянутый труд по имевшимся у него черновикам под несколько измененным заголовком: "Из истории Туркестана в XVI веке. Абдулла-хан и Абду-уль-Мумин-хан". Но типография была реквизирована, и весь тираж в количестве 500 экземпляров бесследно исчез, к счастью, сохранились черновики. Личный архив Л. А. Зиминой предполагал приобрести у вдовы Азиатский музей⁴⁴. "Состоялось ли это приобретение, — указывал Б. В. Лунин, — но направления возможных поисков определены..."⁴⁵

Три четверти века, прошедшие со времени гибели "льва Туркестана", как называли Льва Александровича Зиминой, — срок немалый, чтобы воздать должное погибшему археологу и снять с него чудовищные обвинения в причастности к политическому убийству 26 бакинских комиссаров. Особую досаду вызывает, что эта версия фигурирует в шестнадцатитомной "Советской исторической энциклопедии"⁴⁶, в которой зато отсутствует его библиографический очерк, право на который несомненно.

Еще в январе 1915 года вице-председатель ТКЛА Н. П. Остроумов писал Е. В. Пославской о решении, принятом относительно ее мужа: "Милостивая государыня Елена Вацлавна. На заседании Туркестанского кружка любителей археологии, состоявшемся 30 декабря прошлого года, на котором вы лично присутствовали, было принято предложение члена кружка Л. А. Зиминой об увековечении памяти покойного генерал-лейтенанта И. Т. Пославского, бывшего вице-председателя и почетного члена Кружка, путем издания отдельной книгой всех статей покойного, имеющих научный характер, с портретом его, подробной биографией и заметками, вызванными его смертью"⁴⁷. Но недостаток средств, а затем бурные революционные катаклизмы помешали осуществиться этому, весьма характеризующему Л. А. Зиминой, проекту. Сегодня подобный проект актуален и для самого автора.

В первые же послереволюционные годы в эмиграции были вынуждены искать спасения от преследования такие члены ТКЛА, как Жозеф Кастанье, Шерали Лагин, Ахмедзаки Валиди Тоган. Эмиграция, по вполне понятным причинам, стимулировала интерес к прошлому покинутой родины. Изгнанники, используя свободу печати в демократических странах, давали свою версию тем или иным историческим событиям. Поэтому некоторые политические деятели становились, будучи в эмиграции, еще и историками. Например, историками стали такие популярные фигуры, как лидер Туркестанской автономии, член Всероссийского Учредительного собрания Мустафа Чокаев, впрочем, он и ранее был известен в Туркестане как большой знаток старины, и эмир Бухарский Саид Алимхан, сочинивший исторический труд по всем канонам восточной историографии.

Особое место среди эмигрантов занимает двойной эмигрант Жозеф Кастанье, или, как его называли в Туркестане — Иосиф Антонович Кастанье⁴⁸. Он родился во Франции в 1875 году, где окончил курс в тулузском лицее. Приехав в Россию, Ж. Кастанье с 1901 года жил в Оренбурге, а в 1912 году переезжает в Туркестанский край. Интересы его многогранны: археолог, этнограф, лингвист, историк. Это о нем весьма положительно вспоминал В. В. Бартольд, когда писал, что "было бы вполне возможным теперь же составить археологическую карту Туркестана, на которую впоследствии могли бы заноситься поправки и дополнения, тем более что выполнение этой работы в значительной степени подготовлено одним из недавно покинувших край исследователей — Кастанье"⁴⁹.

В. В. Бартольд же отмечал строгий научный подход Кастанье к сбору археологического материала, столь редкий для археологов того времени. Вот подлинное мнение по этому поводу крупнейшего ориенталиста: "Из частных собраний археологических предметов, с которыми мне удалось ознакомиться, можно упомянуть о собрании, принадлежащем И. А. Кастанье. Собрание является результатом многочисленных командировок и разъездов и хранится в полном порядке; происхождение каждого предмета точно указано"⁵⁰.

После октябрьского переворота 1917 года Ж. Кастанье некоторое время по-прежнему работал над составлением археологической карты Средней Азии, вместе с В. Л. Вяткиным состоял в археологической секции Комиссии по охране памятников старины и искусства, созданной при Центральном управлении архивным делом Туркесреспублики⁵¹.

В 1918 году ВЧК готовила арест Кастанье по обвинению в участии в организации антисоветского заговора, но будучи предупрежден, он скрылся, "затем опять вернулся в Ташкент и уехал вместе с военнопленными во Францию"⁵². Вынужденно покинув Туркестан, Ж. Кастанье навсегда сохранил любовь к этому краю. Он не раз в своих трудах, в том числе и по новейшей истории среднеазиатских республик, будет мысленно возвращаться сюда⁵³.

Там, во Франции, уже немолодым, Жозеф Кастанье печально писал в своей книге: "Эти необъятные, однообразные и грустные равнины, эти плодородные оазисы и эти движущиеся пески — Туркестан, настоящая страна контрастов и величия. Все в нем чрезвычайно трогает..."⁵⁴ В эмиграции Ж. Кастанье создал цикл работ, посвященных истории Туркестана. Эти работы, как и предыдущие, в советской историографии рассматривались тенденциозно, сам археолог был объявлен "агентом империалистических держав". В стороне не остался даже М. Е. Массон, в отличие от В. В. Бартольда, недружелюбно упоминавший его не раз в своих воспоминаниях. Вот несколько штрихов из данной им характеристики: "Археологическая секция Самкомстариса была самой маленькой по своему составу. Членами ее числились В. Л. Вяткин, И. А. Кастанье, а после него М. Е. Массон. Кастанье — чисто формально и недолго. Парижанин по происхождению (неверно, он был из Тулузы. — В. Г.), от рождения без двух пальцев на правой руке, активный член дореволюционного Туркестанского кружка любителей археологии, преподаватель французского языка... и как потом выяснилось, агент-осведомитель французской службы... Оказавшись затем еще и полным профаном в части среднеазиатской архитектуры, Кастанье... лишь молча присутствовал на некоторых заседаниях..."⁵⁵

Несомненно, права С. О. Маджи, отметившая в своей первой в отечественной историографии специально посвященной Ж. Кастанье статье, что его весьма разнооб-

разные по своей тематике труды заслуживают глубокого внимания наших историографов, историков, археологов, востоковедов и др.⁵⁶.

* * *

Научный сотрудник отдела историографии, источниковедения и археологии Института истории Академии наук Республики Узбекистан П. П. Воробьев, собирая источник-ный материал в Политическом архиве МИД ФРГ в Бонне, обнаружил неизвестные ранее материалы, освещающие эмигрантскую деятельность бывшего члена ТКЛА, переводчика при Самаркандском военном губернаторе, казаха по национальности, Шерали Лапина⁵⁷. Деятельность Шерали Лапина привлекла к себе внимание В. В. Бартольда, откликнувшегося на его концепцию о значении и происхождении слова "сарт" несколькими политическими статьями⁵⁸. Известен он был как составитель русско-узбекского словаря для повседневного общения с приложением краткой грамматики, а также в качестве переводчика надписей на исторических памятниках Самарканда⁵⁹.

Как ни прав был В. В. Бартольд с точки зрения академической науки, обосновывая существование в природе самостоятельного сартского языка ("сарт тили") в противовес именованию его, как предлагал Шерали Лапин, узбекским языком, реальная жизнь, которую знал практик и политик Шерали Лапин, в отличие от кабинетного затворника — ученого В. В. Бартольда, предпочла вариант первого из них. Кстати, о переносе смысла этнонима "сарт" с течением времени с одной этнической группы на другую рассуждал в указанных статьях сам В. В. Бартольд. Разве мог он тогда допустить, что нечто подобное может произойти и в данном случае? И это произошло, утвердилось историческое название языка не по В. В. Бартольду, а по Шерали Лапину, утвердилось, исходя не из европейского академического смысла, а из восточной ментальности.

После 1917 года Шерали Лапин избирается председателем крупнейшей в Туркестане политической партии "Улема", оппозиционной большевикам. В период Кокандской автономии входит в состав правительства. После разгрома автономии скрывался в Бухаре, затем, приехав в Ташкент, обратился за помощью в Германскую комиссию военно- и гражданских пленных, которая снабдила его

необходимыми документами для поездки в Москву. Добравшись до Москвы, Шерали Лапин с помощью немецкого генерального консула принял турецкое гражданство и выехал в Петербург, а оттуда, через Псков, отправился в Германию, и 20 сентября 1918 года прибыл в Берлин⁶⁰.

Находясь в Германии, он 25 сентября встречается с представителем политического отдела Генерального штаба лейтенантом Эльснером, которого ознакомил с политическим положением в Туркестане, сложившимся после октябрьского переворота, акцентировав свое внимание на деятельности правительства Кокандской автономии. Суть его позиции заключалась в необходимости оказания поддержки антибольшевистскому движению в Туркестане со стороны Германии, а в случае победы Шерали Лапин видел этот край в качестве протектората Германии с монархической формой правления.

Шерали Лапин направляет в германский МИД письмо, где обстоятельно изложил цель своего визита в Берлин "как президента бывшего национального парламента автономного Туркестана" и как представителя единственной влиятельной в Средней Азии партии "Улема", которые уполномочили его от имени шести миллионов мусульман Туркестана вести переговоры о некоторых политических вопросах⁶¹.

Организация военного вмешательства в туркестанские события, по представлениям Шерали Лапина, могла выглядеть следующим образом.

С территории Турции через Закавказье перебрасываются войска в Закаспийскую область. При этом важная роль отводилась дружеским отношениям в тот момент Германии с советским правительством. Под предлогом оказания помощи большевикам в их борьбе с английскими интервентами, имевшими тесные связи с русскими белогвардейцами, Германия добивается разрешения послать свои войска в Среднюю Азию, а затем, однако, принимает участие в ликвидации здесь "большевистского господства" и в подготовке мусульманского населения к походу в Индию, вовлекая в этот поход Афганистан и Турцию⁶².

Что касается непосредственного осуществления военной экспедиции, то, по мнению лидера "улемистов", после пересечения Каспийского моря она должна продвигаться из Красноводска в двух направлениях: через Ашхабад, Мерв, Чарджуй, Бухару и через Перовск, Таш-

кент, наполняясь в пути представителями местных народов. Через 4—5 месяцев намечалось соединение этих двух групп в районе Ташкента или Самарканда. Руководство всей экспедицией, а также ее экипировка возлагалась на Германию. Одна из задач, которую затем предстояло решить, заключалась в создании при помощи немцев туркестанской армии с использованием в качестве инструкторов находившихся в Германии и Австро-Венгрии военнопленных мусульман.

Дальнейшее развитие Туркестана Шерали Лапин связывал с Германией, с ее интересами на всем Среднем Востоке.

Германские правительственные круги не спешили с ответом представителю туркестанской оппозиции, несмотря на все его усилия всячески подчеркнуть выгодность германского присутствия в Средней Азии и постоянные заявления о чувствах симпатии, которые питало к немцам местное население. Вероятно, такое довольно прохладное отношение к Шерали Лапину объясняется и тем, что он весьма настоятельно просил, чуть ли не требовал от правительства Германии оказать ему финансовую помощь в виде кредита на сумму 200 тысяч марок за те материальные издержки, которые имелись в ходе продолжительной поездки из Ташкента в Берлин, обещая вернуть деньги, как только установится нормальная связь с Туркестаном⁶³.

22 ноября Харальд Козак, обращаясь к фон Бюхнеру по поводу Шерали Лапина, все же счел необходимым высказать предположение, что позже, когда для Германии пройдут тяжелые времена, связи, установленные с этим человеком, могут оказаться весьма ценными.

Однако приступ психического расстройства, произошедший с Шерали Лапиным 17 декабря 1918 года, вследствие которого он был госпитализирован в институт Эдель, окончательно подорвал к нему доверие, более того, была предпринята попытка связаться с семьей Шерали Лапина и возложить на нее расходы за пребывание того в больнице⁶⁴.

На такой пронзительно печальной ноте обрывается эта научная и политическая биография.

* * *

Вынужденно покинув Туркестан в начале 20-х годов, Ахмедзаки Валиди Тоган, известный в советской историографии как "контрреволюционный" политический

деятель Заки Валидов, вклад которого в изучение истории тюркских народов, сделанный им еще до революции 1917 года, в эпоху СССР долго замалчивался, сместил в эмиграции центр тяжести в своих занятиях с политической деятельности в сторону ученых штудий.

Члена Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете, члена ТКЛА Заки Валидова, совершившего несколько удачных археографических экспедиций в Туркестан и опубликовавшего ряд работ по истории и этнографии тюркских народов, хорошо знали до 1917 года такие известные ориенталисты, как В. В. Бартольд, Н. Ф. Катанов, А. Н. Самойлович, И. Ю. Крачковский, А. Вамбери, М. Хартман и другие. По поручению М. Горького, готовившего многотомное издание, посвященное народам России, Заки Валидов написал свою часть "Российские мусульмане". Еще больше он успел сделать в период эмиграции. И тем не менее, библиографического очерка, посвященного Заки Валидову, до сих пор нет ни в одном востоковедном или тюркологическом справочнике.

Большую работу по возвращению имени Ахмедзаки Валиди того места, которое оно по праву должно занимать в ряду известных имен отечественных ориенталистов, проделал научный сотрудник Института истории Академии наук Республики Узбекистан историограф Р. Н. Шигабдинов, не пожалевший ни времени, ни сил на кропотливый сбор немногих отрывочных, сильно искаженных сведений, сохранившихся на территории государств, входивших ранее в состав СССР⁶⁵. И лишь после этой скрупулезной работы Р. Н. Шигабдинову удалось изучить личный архив Ахмедзаки Валиди, хранимый его дочерью, также историком-ориенталистом, в Турции.

"Тяготение к науке в эмиграции, — пишет Р. Н. Шигабдинов, — у Ахмедзаки Валиди еще более усилилось. В 1925 году, в сорок с лишним лет, Валиди садится на студенческую скамью Венского университета, в 1935 году сдает экзамен по программе реальной гимназии и университета и защищает докторскую диссертацию на тему: "Путевые заметки Ибн Фадлана", о которой впоследствии скажут: маленькая тюркская энциклопедия, после чего он удостоивается звания почетного профессора Боннского университета"⁶⁶.

Размышления Валиди, навеянные изучением шеститомного сочинения ученого, жившего на рубеже XIV—XV веков, Ибн Халдуна "Мукаддима", опубликованные им еще до революции в виде статьи в журнале "Белге", выходявшем в Стамбуле, были во многом созвучны мыслям основателя Турецкого государства Кемали Атаатюрка, поскольку они базировались на убеждении историка в том, что превращать ислам в фундамент современного светского законодательства — занятие бессмысленное.

"Из "Воспоминаний" Валиди, — отмечает Р. Н. Шигабдинов, — мы узнаем, что при встрече его с президентом Турции Кемалем Атаатюрком, состоявшейся в Анкаре 1 февраля 1930 года, шла речь и о статье Валиди об Ибн Халдуна. "Видите, — сказал Атаатюрк, — мы прочитали Вашу статью до того, как Вы сами сюда прибыли... до своего приезда Вы прислали нашей стране свой важный труд"⁶⁷.

Придти к выводу, что теократия не является внутренним свойством ислама, а государство и религия должны быть отделены друг от друга, помог Валиди собственный немалый политический опыт. В качестве члена IV Государственной Думы он вместе с Мустафой Чокаевым занимался делами туркестанцев, отправленных в 1916 году на тыловые работы в Россию, в годы гражданской войны являлся командующим войсками Башкирии, председателем правительства, во время своего краткого пребывания в РКП(б) на заседаниях Политбюро встречался с вождями российской революции. Разочаровавшись в национальной политике, проводимой большевиками, он через Туркмению и Хорезм в конце 1920 года пробился в Бухару, где стал активным организатором национально-освободительного повстанческого движения сопротивления, именовавшегося ранее басмаческим.

Политическое кредо Валиди наиболее концентрировано изложено в его письме, отправленном в сентябре 1920 года. Оценивая в своем письме национальную политику большевиков, он квалифицирует ее как двуличную, лживую и нечестную, тяготеющую к старому, традиционному русскому империализму в замаскированной форме. Валиди прямо указывает, что съезд народов Востока (осень 1920 г.) продемонстрировал: посягательство на права туркестанцев — дело не отдельных коммунист-

тов, а собственная политика ЦК, и заявляет, что не верит, что большевистское правительство сможет изменить свое недоверие к местной интеллигенции в масштабе всего Туркестана⁶⁸.

Сегодня, в условиях крепнущего суверенитетного историографического мышления в новых тюркских государствах, образовавшихся на развалинах СССР, исторические сочинения Ахмедзаки Валиди Тогана обретают новый смысл. Изучение его научных трудов и творческой научной биографии является настоящей необходимостью, неотъемлемым элементом создания новой историографической доктрины современного тюркского государства.

* * *

В 1920 году, когда Красная Армия вошла в Грузию, границу Турции пересек Мустафа Чокай-оглы. Из Турции он переехал в Берлин, затем во Францию и, наконец, обосновался в пригороде Парижа. В первую очередь обратился к Версальской конференции, чтобы привлечь ее внимание к трагической судьбе народов Туркестана. В эмиграции в течение более двух десятилетий Мустафа Чокай-оглы издавал и редактировал ряд периодических изданий, среди которых журнал "Жана Туркестан" ("Новый Туркестан"), издававшийся в Стамбуле, "Жас Туркестан" ("Молодой Туркестан"), выходящий в свет в Берлине, содействовал публикации вестников Русского императорского общества "Азиатское ревю", продолжавших выходить на английском языке в Лондоне, на французском — в Париже и на польском — в Варшаве. Статьи Мустафы Чокай-оглы, представляющие собой исторические и политические обзоры, посвященные тюркским народам, печатались в Стамбуле, Лондоне, Париже, Берлине и Варшаве на английском, французском, немецком и турецком языках в оригинале, так как он одинаково блистательно умел на них выражать свои мысли.

В Европе Мустафа Чокай-оглы изучает еще и арабский язык. В эмиграции он становится лидером тюркской диаспоры. "Мустафа Чокай-оглы, — пишет Ануар Алимджанов, — выступил как просветитель, как глашатай древ-

нейшей и богатейшей культуры и истории народов Средней Азии и Казахстана, пропагандистом трудов гениальных ученых-энциклопедистов Центральной Азии... Знарок русской литературы, поклонник Пушкина и Достоевского, внимательный читатель трудов русских востоковедов Тураева, Бартольда, Левшина, Миллера, Потанина, глубокий почитатель гуманизма и демократичности передовой интеллигенции России, Мустафа Чокай-оглы никогда не отождествлял царских карателей и послеоктябрьских палачей с русским народом'⁶⁹.

Мустафа родился в Акмечети (Кзыл-Орда), его предки по отцовской линии принадлежали к аристократическому клану торайгыров из кипчакского рода, по материнской линии он был выходцем из династии ханов Хивы. Вместе с Александром Керенским он с отличием окончил Ташкентскую мужскую гимназию и с отличием же юридический факультет Петербургского университета. Говорят, что, став российским премьер-министром, А. Ф. Керенский предлагал Мустафе Чокаеву портфель министра в своем кабинете, но тот не принял предложения. Будучи депутатом IV Государственной Думы России, Мустафа Чокаев возглавил комиссию представителей по защите прав народов Туркестана.

В период российской революции 1917 года группа Мустафы Чокаева готовилась к созданию в Туркестане национальных автономий в составе единой Туркестанской конфедерации. В ноябре 1917 года в Коканде состоялся Всетуркестанский конгресс политических движений и партий, где было объявлено о создании Кокандской автономии. Первым ее президентом был избран Мухамеджан Таньшпаев, но после его отставки был единогласно избран Мустафа Чокай-оглы. В январе 1918 года Совет народных комиссаров Туркестанской республики решил ликвидировать "параллельное мусульманское правительство". В ночь с 5 на 6 января кольцо вокруг Коканда замкнулось. Мустафе удалось вырваться из окружения, и он попал к повстанцам, затем нелегально добрался до Кавказа и включился в демократическое движение кавказских народов.

В 1927 году в газетах Парижа, в результате посещения делегацией французской компартии Казахстана и Узбекистана, появились статьи о блестящем решении национальных проблем в Туркестане, что вызвало резкую реакцию Мустафы Чокаева⁷⁰. Авторы статей, убежденные приведенными им неоспоримыми фактами, признали свою необъективность.

Мустафа Чокаев был арестован эсэсовцами 22 июня 1941 года. Вместе с русскими эмигрантами, находившимися тогда во Франции, он был помещен в концлагерь Кемпфен под Парижем. Мустафа, по словам его жены, был потрясен нападением Германии на СССР. После двухнедельного заключения в концлагере его освободили так же внезапно, как и арестовали. Мустафы Чокаев-оглы не стало 27 декабря 1941 года, и сегодня есть все основания полагать, что он был устранин нацистами за отказ сотрудничать с ними. Миф о том, что он стоял у истоков Туркестанского легиона, который начал формироваться спустя год после его смерти, не выдерживает никакой критики.

* * *

На состоявшемся 29 октября 1922 года заседании исполбюро ЦК коммунистической партии Туркестана был рассмотрен вопрос о Н. П. Остроумове, М. С. Андрееве и П. Е. Кузнецове. Было принято специальное постановление, в котором констатировалось, что "считаясь с особо вредной колонизаторско-миссионерской работой в пользу царизма, которую вели граждане Остроумов, Андреев и Кузнецов, признать пребывание последних вредным в пределах Туркесреспублики и предложить ГПУ выселить их из пределов ТССР"⁷¹.

Потребовалось специальное обращение председателя Туркестанского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы, уполномоченного Главного управления архивным делом РСФСР Д. И. Нечкина к правительству республики, чтобы оно пересмотрело последовавшее постановление ТуркЦИК от 11 ноября 1922 года о высылке в течение четырех дней за пределы Туркестана одного из создателей Туркестанского Восточного института, к тому времени заведующего этнографическим отделом Главного Среднеазиатско-

го музея Михаила Степановича Андреева. "...С 1918 года, — говорилось в обращении, — М. С. Андреев преподавал восточные языки в различных учебных заведениях города Ташкента, в том числе в Туркестанском государственном университете и Восточном институте. Являясь единственным знатоком этнографии края, М. С. Андреев все свое свободное от лекций время отдавал этнографическому отделу Главного Среднеазиатского музея, который им поставлен на строго научную ногу, а также Научной комиссии по изучению жизни коренного населения. С его удалением из пределов Туркестанского края все начатые им работы по организации и расширению этнографического отдела названного музея и по изучению жизни коренного населения поневоле должны прекратиться за неимением заместителя..."⁷²

Только после этого М. С. Андреева оставили в покое. Впрочем, лишь на непродолжительное время.

К помощи Д. И. Нечкина опальным востоковедам прибегать приходилось не однажды. К нему неоднократно обращался, например, председатель Самаркандского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы В. Л. Вяткин с ходатайством за того или иного, подвергнувшегося в очередной раз политическим репрессиям ценного работника, занятого спасением исторических памятников народов Средней Азии. Так, 8 апреля 1923 года В. Л. Вяткин хлопочет за вновь назначенного ведущего сектора по охране памятников Самаркандского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы А. И. Муравьева, занятого работами экстренного порядка, вызванными непрерывно шедшими дождями, размывшими крыши и стены памятников и образовавшими обвалы. В разгар работ А. И. Муравьев был выслан из Самарканда в Катта-Курган⁷³.

23 мая того же года В. Л. Вяткин вновь бьет тревогу, что архитектор М. Ф. Мауер решением Самаркандского отдела ГПУ Туркестана взят под надзор, причем через день обязан являться и отмечаться у чекистов. "Инженер Мауер, — писал В. Л. Вяткин председателю Турккомстариса Д. И. Нечкину, — считает это взятие его под надзор совершенно излишним, бесцельным и форму оскорбительной для него. Работа в этих условиях становится еще

труднее, так как три раза в неделю отнимается у него значительная часть рабочего времени и самое настроение настолько этим угнетается, что это неминуемо отразится на продуктивности его работы. Коллегия постановила: сообщить о доложенном Турккомстарису и просить ходатайствовать о снятии надзора"⁷⁴.

Позднее неизменная отзывчивость, проявляемая Д. И. Нечкиным в подобных случаях, будет поставлена в вину ему самому.

Эпоха революционных потрясений деформировала мораль и наложила свой жесткий отпечаток даже на таких неискушенных и неиспорченных нелегким жизненным бременем интеллигентов, как В. Л. Вяткин. С недоумением и удивлением читал я, и не верил глазам своим, выступление самаркандского автодидакта В. Л. Вяткина на заседании Археологической секции при Комиссии по охране памятников, проходившей в июне 1920 года. "Раскопочные работы, — говорил он, — я полагал бы производить арестантским трудом. При ограниченном количестве потребных для раскопок рабочих можно выбрать из состава обитателей рабочего дома сильных и крепких в нужном числе. Преимущество арестантского труда заключается в том, что работы могут вестись безостановочно, расчеты по работам менее сложны и количество работников, более ловких и сметливых, что существенно при археологических раскопках, среди арестантов больше, чем среди свободных чернорабочих"⁷⁵. Прямо какая-то фантазмагория, технико-экономическое обоснование для будущего строительства силами заключенных Беломоро-Балтийского канала, вышедшее из-под пера первооткрывателя с мировым именем, раскопавшего знаменитую обсерваторию Улугбека. И с ним солидаризовался по этому поводу археолог Ж. Кастанье. Если так думали и поступали лучшие представители интеллигенции, то, очевидно, вина в укреплении и торжестве тоталитаризма лежит не только на большевиках. Подобные действия ученых трагически проецировались и на их дальнейшую судьбу.

Тем не менее, 7 октября 1920 года на особом заседании Комиссии по охране и реставрации памятников старины и искусства, состоявшемся в г. Самарканде в присутствии собравшихся светил отечественной ориенталистики — В. В. Бартольда, профессора З. А. Шмидта,

И. С. Казакова, Б. Н. Кастальского, М. Ф. Мауера, М. Е. Массона, Е. К. Ветгера, Н. М. Столярова и Д. И. Нечкина, археолог В. Л. Вяткин, победно докладывая, говорил, что "...теперь, с ассигнованиями потребных сумм и возможностью воспользоваться трудом арестованных, следует произвести систематические раскопки определенных районов из Афрасиаба, помимо раскопок на дворе мечети Биби-Ханым и подле Гур-Эмира"⁷⁶. Никто из историков не придал этому никакого значения. Все было в духе времени.

* * *

Завершая галерею столь по-разному и неровно выписанных силуэтов ориенталистов, а это было, повторимся, сделано умышленно, остановимся напоследок на фигуре, венчающей этот ряд, — на историке Вадиме Афанасьевиче Чайкине.

Изучая в архиве Службы национальной безопасности Республики Узбекистан архивно-следственные дела репрессированных историков, я установил, что там же на хранении значилось архивно-следственное дело № 18518, заведенное на Чайкина Вадима Афанасьевича, 1886 года рождения, репрессированного в 1933 году. Но 21 сентября 1989 года оно было затребовано в Главную Военную прокуратуру в Москву, находилось несколько лет там, и ознакомиться с ним в силу этого я не смог.

Из рукописных материалов В. А. Чайкина, присланных в 1933 году Среднеазиатским отделением Государственного издательства для ознакомления директору Среднеазиатского научно-исследовательского института истории революции Д. И. Манжаре, бывшему слесарю Главных железнодорожных мастерских в Ташкенте, возглавившему к тому времени историческую науку в среднеазиатских республиках, а также из предисловия уцелевшего экземпляра книги В. А. Чайкина⁷⁷ предстает оригинальный проект воссоздания истории Российской революции. Причем, прошу заметить, не первой революции — 1905—1907 годов, не второй — февральской 1917 года, и не третьей — октябрьской 1917 года, как это было принято обозначать по большевистской схеме, а Российской революции 1904—1921 годов. В самом заго-

ловке, хронологии, ракурсе просвечивает авторская концепция этого крупнейшего события XX века.

В. А. Чайкиным преподносится это как само собой разумеющееся, без всяких комментариев и доказательств. Познакомившись с такой постановкой, я укрепился в своих давних раздумьях на эту тему. В самом деле, ведь были Английская буржуазная революция, Великая Французская революция. В заголовок выносятся название народа, который ее устроил, а не название какого-нибудь месяца брюмера, термидора, октября или февраля. Российская революция тоже, наверное, Великая, имела свое начало, которое и приходится на 1904 — 1905 годы, и конец, затянувшийся с октябрьского переворота 1917 года с установлением диктатуры большевиков и до окончательного разгрома вооруженной оппозиции большевикам в 1921 году. С В. А. Чайкиным, таким образом, у меня полное единство во взглядах на концепцию Великой Российской революции, сложившихся вне зависимости от него, до того, как мне попала в руки его книга. И разочарование от того, что не удалось стать первооткрывателем, уравновесилось удовлетворением от обретения единомышленника-предшественника. Впоследствии В. А. Чайкин расширяет хронологические рамки для своего замысла с 1904 по 1930 год⁷⁸. Объяснения этому у меня также имеются.

Итак, труд, задуманный В. А. Чайкиным и объединенный под общим заголовком "К истории русской революции (1904—1921 годов)", ставил своей задачей сохранить для будущего в объективном и точном освещении все те исторические события, факты, материалы и документы, которые иначе могли бы затеряться среди великих потрясений переживаемой эпохи или подвергнуться искажению. "Беспредельности этой задачи, непосильной и для десятка профессиональных историков, — отмечал В. А. Чайкин, — автором труда будут противопоставлены два ограничительных требования: описывать лишь те события, участником которых он был, и безусловно воздерживаться от суждений и выводов, не основанных на непосредственных наблюдениях или бесспорных документальных данных"⁷⁹.

Отдельные выпуски числом до десяти, позже планировалось и до двенадцати⁸⁰, автор данного труда предпола-

гал после окончательного оформления передавать в печать, по мере сосредоточения необходимых материалов и в зависимости от технических возможностей. В исключительных случаях, требующих особой доказательности, предполагалось воспроизведение в тексте и в "приложениях" фотографических снимков с подлинных документов.

Судя по содержащимся в книге Вадима Чайкина упоминаниям, в 1922 году к печати готовились собранные полностью первые пять выпусков "К истории русской революции", среди которых: выпуск первый — "Казнь 26 бакинских комиссаров" (был издан), выпуск второй — "Черноморское повстанчество 1912—1920 годов", выпуск третий — "Межнациональные взаимоотношения в революционной России", выпуск четвертый — "Материалы по истории революционного народничества (1904—1920)", выпуск пятый — "Туркестан и империалисты"⁸¹. Сведениями о том, были ли изданы четыре из указанных пяти выпусков и сохранились ли оригинальные рукописи В. А. Чайкина, я не располагаю. Судя по сноскам на них в выпуске первом, они содержали многие редкие источники, часть из которых не сохранилась до наших дней. Ничего не известно и о судьбе планировавшихся В. А. Чайкиным следующих безымянных пяти или семи выпусков.

Об умении Вадима Чайкина увидеть в, казалось бы, обычном, банальном, на взгляд обывателя, случае событие мирового порядка свидетельствует предпринятое им расследование и написание очерка "Правда о деле профессора Михайловского". Самоубийство профессора медицины Среднеазиатского университета И. П. Михайловского в августе 1929 года, ставившего опыты по оживлению людей и пытавшегося воскресить собственного умершего и мумифицированного им сына, было использовано в политических целях для наступления на православную церковь. Архиепископ Лука, он же профессор медицины Среднеазиатского государственного университета В. Ф. Войно-Ясенецкий, был обвинен в доведении до самоубийства своего коллеги. Сделано это было, якобы, потому, что И. П. Михайловский шел против Бога, ставя опыты по оживлению людей. В дело включились карательные органы и пресса. Следователи ОГПУ решают превратить "дело Михайловского" в политическое и анти-

церковное. Член президиума ЦКК ВКП(б) А. А. Солыц посылает в Ташкент телеграмму с требованием прислать ему обвинительное заключение по "делу Михайловского". Фельетонист партийного официоза "Узбекистанской правды" Эль-Регистан еще до расследования предлагает полную и окончательную схему событий, якобы имевших место в случае с профессором Михайловским. Социальный заказ принимают писатели М. В. Борисоглебский (роман "Грань"), С. Н. Сергеев-Ценский (пьеса "Ребенок и обезьяна"), К. А. Тренев (пьеса "Опыт"), Б. А. Лавренев (пьеса "Мы будем жить")⁸².

Свою версию этого дела дал В. А. Чайкин. "Принятое в историческом аспекте, — писал он, — и отторгнутое методами объективного описания происшедшего от узких интересов сегодняшней среды и сегодняшнего дня, оно займет свое место наряду с наиболее трагическими страницами истории прошлого. Такие мировые процессы (не в узкосудебном значении этого слова), как дело Каласса, Тисса-Эсларский ритуальный процесс, понятные еще современникам: присуждение к пожизненному заключению на Чертовом острове Альфреда Дрейфуса, Мултанское дело и дело Бейлиса — должны быть пополнены "делом Михайловского" и всех прикосновенных к этому симптоматически грозному для оценки степени нашей послереволюционной культуры и культурности процессу [борьбы] прогрессивного общественного мнения человечества с косностью и фанатизмом прошлого и настоящего"⁸³.

Но участие В. А. Чайкина в расследовании этого дела представляет собой предмет отдельного разговора, к которому я, может быть, вернусь в будущем.

Так выглядит сегодня печальная галерея историков-призраков от ориенталистики, на долгие годы превратившихся в фигуры умолчания, с их забытыми и не осуществившимися полностью замыслами и с растерянным, несобранным, большей частью навсегда утраченным, а иногда и украденным научным наследием. Как в связи с этим не вспомнить слова, произнесенные однажды: "Кроме десяти заповедей, данных не то Богом, не то дьяволом, была дана людям одиннадцатая: "Не колебли основ, и благо тебе будет и долголетен будешь на земле".

Ее нарушали с момента ее создания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О В. П. Наливкине см.: *Историография общественных наук в Узбекистане. Биобиблиографические очерки/Сост. Б. В. Лунин. Т., 1974. С. 247—258.*

² *Лунин Б. В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Т., 1965. С. 406.*

³ Там же.

⁴ О Н. П. Остроумове см.: *Историография общественных наук в Узбекистане. Биобиблиографические очерки/Сост. Б. В. Лунин. Т., 1974. С. 259—271.*

⁵ Там же. С. 265.

⁶ *Лунин Б. В. Средняя Азия в дореволюционном... С. 208.*

⁷ *Архив Российской Академии наук. Санкт-Петербургское отделение (далее — АРАН (СПБО)), ф.68, оп.2, д.12, п.1.*

⁸ Там же, д.137, л.89, 89(об.).

⁹ *Памяти Евгения Карловича Бетгера (От редакции)//Тр.САГУ им. В. И. Ленина. Археология Средней Азии. Вып. IV. Т., 1957. С. 10. О Н. С. Лыкошине см.: Историография общественных наук в Узбекистане. Биобиблиографические очерки/Сост. Б. В. Лунин. Т., 1974. С. 216—222.*

¹⁰ См.: *Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. 2-е изд., перераб. Подгот. А. Н. Кононов. М., 1989. С. 249—250.*

¹¹ *Восток. 1922. № 1. С. 104.*

¹² *ЦГА РУз, ф.Р—1747, оп.1, д.16, л.104.*

¹³ Там же, л.107.

¹⁴ Там же, л.108.

¹⁵ *Хасанов М. Смертельный гамбит. Из истории осиповского мятежа//Звезда Востока. 1991. № 10. С. 122—142.*

¹⁶ *ЦГА РУз, ф.И—17, оп.1, д.36553, л.2.*

¹⁷ Там же, д.36554, л.32.

¹⁸ *ЦГА РУз, ф.Р—1747, оп.1, д.14, л.48, 49.*

¹⁹ *ЦГА РУз, ф.Р—374, оп.1, д.5, л.3.*

²⁰ *Мельгаунов С. П. Красный террор в России. М., 1990. С. 51.*

²¹ *ЦГА РУз, ф. Р—1747, оп.1, д.16, л.87.*

²² *Лунин Б. В. Узбекистан как один из центров советского востоковедения//Востоковедные центры в СССР. Вып.2. М., 1989. С. 12; Востоковедение в Узбекистане//Новый Восток. 1930. № 28. С. 292—293.*

²³ *Бартольд В. В. (Рецензия). П. Цветков. Исламизм/Т.1. Мухаммед и Коран. 460 с.; Т.2. Вера Ислама. 418 с.; Т. 3. Практические обязанности исламизма. 552 с.; Т.4. Ислам и его секты. 453 с. Асхабад, 1912—1913//Соч. Т.VI. С. 403—412.*

²⁴ *Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее — РЦХИДНИ), ф.122, оп.1, д.58, л.2.*

²⁵ *ЦГА РУз, ф.Р—374, оп.1, д.25, л.28.*

²⁶ *Лунин Б. В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895—1917 гг.). Т., 1958. С. 92.*

²⁷ *Репрессированное востоковедение: Востоковеды, подвергшиеся репрессиям в 20—50-е годы / Сост. Я. В. Васильков, А. М. Гришина, Ф. Ф. Перченко//Народы Азии и Африки. 1990. № 4. С. 132.*

- ²⁸ Зимин Лев Александрович (16.VII. 1886—10.V.1920)//Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. 2-е изд., перераб. Подгот. А. Н. Коконов. М., 1989. С. 97—98.
- ²⁹ *Иванов Вл.* Эскалация конфликта: Из истории образования Закаспийского фронта//Звезда Востока. 1992. № 6. С. 184—200.
- ³⁰ ЦГА РУз, ф. Р—1747, оп.1, д.9, л. 1—164.
- ³¹ *Чайкин В.* К истории русской революции. Вып. 1. Казнь 26 бакинских комиссаров. М., 1922. 196 с.
- ³² *Чайкин В.* К истории русской... С. 106, 107, 189—191.
- ³³ Там же. С.25.
- ³⁴ Там же. С. 132—133.
- ³⁵ Там же. С. 24.
- ³⁶ Там же. С. 115.
- ³⁷ Там же. С. 134—135.
- ³⁸ Там же. С. 26.
- ³⁹ Восточный факультет АГУ//Известия Азербайджанского государственного университета. Т. 2—3. Общественные науки. Баку, 1925. С. 334.
- ⁴⁰ *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики. М. — Л., 1950. С. 213.
- ⁴¹ *Семенов А. А.* Указатель персидской литературы по истории узбеков в Средней Азии//Тр. Библиографической комиссии, бывш. при СНК ТССР. Т., 1926. С. 21.
- ⁴² АРАН (СПБО), ф.68, оп.2, д. 221, л.110(об.).
- ⁴³ Научные общества Туркестана. Приложение к журналу "Наука и просвещение". Т., 1922. Октябрь. С. 12.
- ⁴⁴ АРАН (СПБО), ф. 68. оп. 2, д. 103.
- ⁴⁵ *Лукин Б. В.* Средняя Азия в дореволюционном... С. 223. См. также: с. 222, 226, 246, 373, 374 и др.
- ⁴⁶ Советская историческая энциклопедия. М., 1962. Т. 2. С. 57.
- ⁴⁷ ЦГА РУз, ф.И—71, оп.1, д.22а, л.64.
- ⁴⁸ См.: *Маджи С. О. И. А.* Кастанье как историк Средней Азии//Общественные науки в Узбекистане. 1993. № 6. С. 14—19.
- ⁴⁹ *Бартольд В. В.* Близкие задачи изучения Туркестана//Соч. Т. 9. Работы по истории востоковедения. М., 1977. С. 549.
- ⁵⁰ *Он же.* Отчет о командировке в Туркестанский край летом 1916 года//Соч. Т. 8. Работы по источниковедению. М., 1973. С. 337.
- ⁵¹ *Он же.* Отчет о командировке в Туркестан//Соч. Т.4. Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии. М., 1966. С. 244.
- ⁵² Революция в Средней Азии. Сб.1. Т., 1928. С. 100.
- ⁵³ Castagne I. Le Turkestan depuis la Revolution russe (1917—1921). Paris, 1922; Idem. Les organisations sovietiques de la Russe, musulmane. — Revue du Monde Musulmane. Paris, 1922. Octobre; Idem. Les Basmatchis: Le mouvement national des indigenes d'Asie Centrale depuis la revolution l'octobre 1917 jusqu'en octobre 1924. Paris, 1925.
- ⁵⁴ Castagne I. Les Basmatchis: Le mouvement national des indigenes d'Asie Centrale depuis la revolution l'octobre 1917 jusqu'en octobre 1924. Paris, 1925, p.4.
- ⁵⁵ *Массон М. Е.* Падающий минарет (северо-восточный минарет Самаркандского медресе Улутбека). Т., 1968. С. 23, 25; Об Иосифе Антоновиче (Жозефе) Кастанье научным сотрудником Института Франции по изучению Центральной Азии (IFEAC) С. М. Горшениной подготовлено одно из самых интересных и полных исследований. "Центральная Азия в творчестве Жозефа-Антуана Кастанье: Между Францией и Рос-

сией". Машинопись. Личный архив историка-искусствоведа С. М. Горшениной. См. также: *Горшенина С.* Странный археолог Кастанье//Звезда Востока. 1996. № 3. С. 147—161.

⁵⁶ *Маджи С. О.* Указ. статья. С. 19.

⁵⁷ *Воробьев П. П.* Экономические и политические интересы Германии в Средней Азии (начало XX в. — 40-е гг. XX в.). Машинопись историка Петра Петровича Воробьева (1964—1994). 121 с. Личный архив историка В. А. Германова.

⁵⁸ *Бартольд В. В.* О преподавании туземных наречий в Самарканде// Соч. Т.2, ч. 2. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. М., 1964. С. 303—305; *Он же.* Вместо ответа г-ну Лапину. Там же. С. 306—309; *Он же.* Еще о слове "сарг". Там же. С. 310—314.

⁵⁹ *Лапин Сер-Али (?—?)*//Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. 2-е изд., перераб. Подгот. А. Н. Кононов. М., 1989. С.141—142.

⁶⁰ *Воробьев П. П.* Указ. машинопись. С. 64.

⁶¹ Там же. С. 65.

⁶² Там же. С. 65, 66.

⁶³ Там же. С. 67.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ *Шигабдинов Р. Н.* Ахмедзаки Валиди Тоган как ученый и общественный деятель (материалы к биографии). Машинопись, 27 с. Личный архив историка Р. Н. Шигабдинова.

⁶⁶ Там же. С. 17.

⁶⁷ Там же. С. 8.

⁶⁸ Там же. С. 26.

⁶⁹ *Алимжанов А.* Дороги людей — дорога человека. Вспоминая Мустафу Шокай-улы//Дружба народов. 1992. № 2. С. 199.

⁷⁰ См.: *Мустафа Чокай-оглы.* Туркестан под властью Советов (К характеристике диктатуры пролетариата). Париж. 1935. 150 с.

⁷¹ Архив Аппарата Президента Республики Узбекистан (далее — ААП РУз), ф. 60. д. 2267, л. 176.

⁷² ЦГА РУз, ф.Р—394, оп.1, д.29, л.319.

⁷³ ЦГА РУз, ф.Р—394, оп.1, д.60, л.100.

⁷⁴ Там же, л.153.

⁷⁵ ЦГА РУз, ф.Р—394, оп. 1, д.3, л.47, 47 (об.).

⁷⁶ Там же, л.39.

⁷⁷ ЦГА РУз, ф.Р—1747, оп.1, д.9, л.1—14; *Чайкин В.* К истории русской революции (1904—1921 годов). Вып.1. Казнь 26 бакинских комиссаров. М., 1922.

⁷⁸ ЦГА РУз, ф.1747, оп.1, д.9, л.4.

⁷⁹ *Чайкин В.* Указ. соч. С. 7.

⁸⁰ ЦГА РУз, ф. 1747, оп.1, д.9, л.4.

⁸¹ *Чайкин В.* Указ. соч. С.6, 9, 12, 26, 98 и др.

⁸² *Поповский М.* Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга//Октябрь. 1990. № 3. С. 83—107.

⁸³ ЦГА РУз, ф. Р—1747, оп.1, д.10, л.9.

Валерий Александрович Германов

**ИСТОРИКИ ТУРКЕСТАНА В УСЛОВИЯХ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРРОРА
20—30-х ГОДОВ**

*Редактор Н. Щетинина
Худож. редактор Т. Каноатов
Техн. редактор У. Ким
Корректор Т. Лю
Компьютерная верстка К. Голдобиной*

Сдано в набор 24.05.2000. Подписано в печать 05.07.2000.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура "Таймс". Печать офсетная.
Усл. печ. л. 2,1. Уч.-изд. л. 2,47. Тираж 1000. Заказ №07/43-00.
Цена договорная.

Издательство "Ўзбекистон", 700129, Ташкент, ул. Навои, 30.
Изд. № 39-2000.

Отпечатано в ООО "ARNAPRINT". Ташкент, ул. Х. Байкаро, 51.